
За нами родина, и некуда
бежать.

Там впереди одна осталась
бездна,

В которую сойдёт твоя
душа,

Оплакивая русскую словесность,

Её скитаний зрелые плоды

И возвращений бесконечный
праздник.

Она внутри всемирной
немоты

Одна ещё пророчествует
Пасху.

Хотел бы написать, как Бах,
Чтобы слышал Бог.
Не просто ветром в деревьях
Или узлом дорог.

Не сном, не духом, не огнём,
Не декабрём седым.
Не тем, что вне, не тем, что в Нём,
А просто Им Одним.

Освобождение от кожи —
Последняя из всех потерь.
Пора себя извлечь из ножен.
Тебя умрут, а ты не верь.

Не верь в покой перед грозой,
В почётный караул берёз,
Когда твои глаза закроет
Рассвет, случившийся всерьёз.

Не верь, не велика потеря,
Тому, кто отпускает в твердь,
И сам при этом твёрдо верит,
Что вправду существует смерть.

Не верь прощанию — обманет.
Не верь последнему «аминь».
Не верь себе, когда сквозь камень,
Сквозь сердце прорастёт полынь.

Ещё не умер ты, ещё ты не убит.
Бесплатный цирк бывает в мышеловке.
Смертееет рано. Зайцево не спит.
И ангел смерти бродит по Петровке.

Окраина считает до двухсот.
Так много нас на тесном белом свете,
Что если снайпер крайнего найдёт,
Статистика потери не заметит.

Не Ватерлоо, не Бородино —
Обычные расстрельные районы.
Здесь Пётр не рубил своё окно,
И сталкеры обходят эту зону.

Человек человеку — и хлеб, и вино,
И ограда, и образ, и слово.
Пусть нетрезв и нелеп, всё равно, всё равно
Пусть немее всего остального.

Человек человеку — и вера, и боль,
И аминь, и алтарь, и причастье.
«Человек» человеку звучит как пароль
Или как обещание счастья.

Человек даже счастье другому куёт,
Пусть сгорает быстрее, чем листья.
И поёт мой кузнечик, поёт и поёт
В мировой немоте бескорыстно.

Если бы вещи застигнуть врасплох,
Дерзкой открытости не испугаться.
В каждой былинке скрывается Бог,
Каждая ива торопится в святцы.

Спрятали Господа в звук звонари.
К Богу плывут облака-недотроги.
В этой истории, как ни смотри,
Всякая жизнь завершается Богом.

Когда бы дожить до старости,
До самых преклонных лет,
Когда от меня останется
Сквозь тело мерцающий свет.

Не стал бы искать совпадения,
Во всём видеть тайну и знак.
Деревья и сновидения
Пришли бы ко мне просто так.

Я знал бы, что смерть отправлена.
Хранил бы своё ничего,
И в каждом прохожем ангеле
Пытался узнать своего.

Не стал бы просить спасения,
Всерьёз заговаривать смерть,
А плыл бы себе по течению,
Как рыба в раскрытую сеть.

Над городом гуманитарный снег.
Патрульный ветер в подворотнях свищет.
«Убежище», — читает человек
На школе, превращённой в пепелище.

У всякой твари есть своя нора.
Сын человеческий может жить в воронке.
Артиллеристы с самого утра
Друг другу посылают похоронки.

Ещё один обстрел — и Новый год.
Украшим ёлку льдом и стекловатой.
И Дед Мороз, наверное, придёт
На праздничные игры с автоматом.

Смертеет. Для людей, зверья,
Для песен мир, пожалуй, тесен.
И каждый проблеск бытия
Уже по-своему смертесен.
В груди задумчивый пожар.
Есть время для знакомства с домом,
Есть время предоставить шар
Кому-то новому, другому.
Гори-гори, не говори.
Прощанье смотрит одиноко,
Как будто вверх поводыри
Тебя позвали раньше срока.

Зиме отдали города
Почти без боя.
Мне сорок два, я навсегда,
И всё такое.

Кого укроет этот снег —
Уже не важно.
Я пережил двадцатый век,
И мне не страшно.

Пусть каждый новый снегопад,
Как смена строя.
Так долго люди не грустят.
Я старше Цоя.

Небесный дворник сыплет соль
На спины людям.
Здесь нужно что-нибудь про боль,
Но я не буду.

Дар случайный, дар напрасный,
Непонятный дар.
В городах огнеопасных
Каждый день пожар.

Горе местного разлива
Падает в цене.
С каждым годом всё фальшивей
Фильмы о войне.

Из провинций безмятежных
В рай прифронтовой
Годовой запас надежды
Привезёт конвой.

Проснёшься, скажем, облаком седым.
К другим ушла нечаянная нежность.
Как хорошо бездумным, молодым
В мирах, ещё беременных надеждой.

Проснёшься, скажем, где-нибудь в раю.
Плывёшь-плывёшь куда-нибудь без цели.
Как хорошо у бездны на краю
Раскачивать бумажные качели.

Проснёшься, скажем, в городе чужом
Над небом голубым, а то и выше.
Как хорошо не думать ни о чём.
Ты замолчал, и мир тебя услышал.

Каждое слово тебе занесут в приговор.
Кто объяснит мне, какого несчастья ради
Мы собираем пьянящий рифмованный вздор
И умираем на плоскости наших тетрадей?

Каждая рифма как праздник подарена нам.
Сколько ещё их до полного счастья осталось?
Знает на память своих должников имена
Вечная спутница наших скитаний — усталость.

Что же, приятель, за тысячи творческих лет
Не сочинили поэты уютной и выгодной веры?
Сколько их вышло в прокуренный грязный буфет
Раньше финала задуманной Богом премьеры.

Сквозь заколоченные сны
Вдруг, почему-то
Без объявления весны
Апрель и смута.

Незарифмованный сумбур
Пришёл без спроса.
А мне, признаюсь, mon amour,
Милее осень.

Её неспешные сады,
Дни-пилигримы,
И ощущение беды,
Прошедшей мимо.

Рахманинов растёт и ранит,
И каждым деревом растёт,
И над осипшими дворами
Свою немыслимость несёт.

Сто тысяч судьб связались в узел
Без гения, без волшебства.
Откуда здесь весна и музы,
И ангел, видимый едва,

И май, внимательный, как Будда,
И устремлённые в просвет
Незамечаемые люди
Две тысячи и больше лет?

И разбегаются ответы,
И распускается свирель,
И мы внутри избытка света,
И ноту «до» берёт сирень.

Распустила осень русые —
Поздний лист щеки касается.
Как молитва Иисусова,
Всё на свете повторяется.

Гонит ветер без усталости
Всё, что пригодится пламени.
Не стирай меня, пожалуйста,
Из Своей заветной памяти.

Всё объяснимо, ясно, просто,
Сквозь воскресенье, сквозь стекло.
Кому натруженные звёзды
Оставили своё тепло?

Над заколдованным покоем
Кого-то ищет поздний свет.
А там, где соберутся двое,
Ни смерти, ни разлуки нет.

Слепой прозрел. Немой заговорил.
Взошла весна над нашим пепелищем.
Лишь мёртвые не встанут из могил
В стране, где каждый третий — лишний.

Они, как ангелы полночные скорбят,
Но ото всех скрывают свою жалость,
И, кажется, не узнают себя
В том зеркале, которым мы остались.

Случайная зима.
Обиделись трамваи.
Над крышами коньки
архангелов скользят.
Прохожие клянут
периферию рая,
И всё равно спешат
в открытый снегопад.

Есть правда у него
и у грачей похмельных.
У дворников своя,
у продавцов газет.
И только ты один
пускаешь пар бесцельно
И ничего уже
не требуешь в ответ.

Души рождественский фонарик
Вспорхнул и опустился вниз.
Сегодня ночью мне подарят
Мою единственную жизнь.

С той стороны бездомный ветер,
Во тьме судьба теряет след.
И может быть, на белом свете
Всё время экономят свет.

Что ж, я готовился случиться.
Не зря волхвы готовят дар —
Провинциальную больницу,
На подоконнике синицу
И всю оставшуюся даль.

Я был одной бездумной болью,
Внезапной, скрюченной, шальной,
А Он, всемирный, вседовольный,
Зачем-то шёл страдать со мной.

Пока навзрыд смеялись боги
И поднимали высоту,
Он шёл прокладывать дорогу
Сквозь вековую мерзлоту.

Через проулки и базары,
Через промёрзшие тела.
Сюда архангелы боялись
Направить быстрые крыла.

Поэты звали и пророки
В свои надмирные мечты,
А Он наш городок убогий
Учил переходить на Ты.

Господь открыл небесную тетрадь,
И замерли внезапно человеки.
И хорошо бессмысленно стоять
Под небом, приготовленным для снега.

Смотреть, не отвлекаясь ни на миг.
Увидеть всё, всего не замечая.
Как будто ты уже во всё проник.
Как будто ты не уходил из рая.

Быть смешно. Не быть — нелепо.
В королевстве беспредел.
И дежурные по небу
На прохожих сыплют мел.

Замело, укрыло мелом
Ёлки, палки и дома.
И теперь на свете белом
Беспредельность и зима.

Перелётные ресницы
Отказались улетать.
Мудрецам такое снится,
Что стихам не угадать.

Если верить режиссёру,
Живы будем — не помрём.
Улыбайся, бедный Йорик,
Сквозь унылый чернозём.

Будут астры или розы.
И какой-нибудь поэт,
Может быть, меня попросит
Блоку передать привет.

Будет ангел участковый
Совестить: припоминай
Этот город бестолковый,
Приспособленный под рай.

Кто-то — Рильке или Рыжий —
Проведёт меня сквозь ад.
Может быть, и я увижу,
Тех, кто не смотрел назад.

Зимы нечаянный свидетель

Я слышал: первый снег прошёл
И никого не потревожил.
Деревьям было хорошо,
Деревне задремавшей тоже.

А он метался, сам не свой,
Когда над белыми полями
Нерукотворною стеной
Шла человеческая память.

Всё, что с небом боролось,
Назовём «человек»,
Но сегодня мой голос
Будет тихим, как снег.

Как последние птицы
За больничным стеклом,
Не боюсь раствориться
В ноябре в голубом.

Пусть метафоры снова
Повторяются, пусть.
Пусть прощальное слово
Знают все наизусть.

Что вчера было поздно,
То сейчас позади.
Перелётные звёзды
Остывают в груди.

В одну печаль два раза не войдём,
И всё же нас течение уносит.
Давай, приятель, тихо помянём
На город опрокинутую осень.

Твою печаль разделим пополам,
Мою печаль — оставим на похмелье.
И если ты не веришь куполам,
Поверь хотя бы в листопад бесцельный.

Как я провёл осенние каникулы

Смеркалось, всё-таки смеркалось.
Октябрь протрубил исход.
А нам по-прежнему казалось,
Что вечным будет этот год.

Я жил тогда в Донецке пыльном.
Ходил на аэровокзал
И снова птичьи эскадрильи
В край незнакомый провожал.

Варил стихи из облепихи
И относил их на филфак.
Две ненаписанные книги
Продал студентам за пятак.

Я снова становился проще,
Как тридцать семь тому назад,
Как этот пруд, как эта роща,
Как остывающий закат.